

УДК 821.161.1-32+929Чехов+929Казаков

«СТАРЫЙ ДОМ»: ОДНОИМЁННЫЕ РАССКАЗЫ А. П. ЧЕХОВА И Ю. П. КАЗАКОВА

Т. С. Макарова

Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

Одноимённые рассказы А. П. Чехова и Ю. П. Казакова рассматриваются в связи с разными представлениями концепта *дом*. Описываются различия между темой дома с точки зрения социальных аспектов наличия дома у человека и с точки зрения психологического значения дома.

Ключевые слова: *рассказ, концепт, дом, А. П. Чехов, Ю. П. Казаков*

Образ дома занимает значительное место в русской литературе и культуре: «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева [9], «Евгений Онегин» [6, т. 6] и «Домик в Коломне» А. С. Пушкина [6, т. 5], «Война и мир» Л. Н. Толстого [8], «Семейная хроника» С. Т. Аксакова [1], «Старый дом» А. П. Чехова [10], «Дом у дороги» А. Т. Твардовского [7]. С концептом *дом* связаны представления о семье, защите, любви, тепле, детстве, памяти, родине. В русском фольклоре существует много пословиц и поговорок со словом *дом*.

Ю. М. Лотман писал, что пространственные характеристики являются одними из основополагающих в мировоззрении человека [3, с. 13]. В понятийной сфере слова *дом* можно выделить ряд аспектов. Дом – основное пространство в жизни человека, с которым связаны его рождение и смерть. С другой стороны, это содержательно и эмоционально насыщенное понятие, благодаря которому мы осмысляем другие понятийные сферы. Образ и понятие дома наделены определёнными физическими, культурными, социальными смыслами, выражаемыми с помощью образов. Эти образы делятся на три группы: антропо- и зооморфные образы характеризуют пригодность/непригодность домов для жилья; фитоморфные образы характеризуют ситуации строительства новых домов (дома растут как грибы); артефактоморфные образы представляют признак внешнего облика здания (кирпичные дома-коробки) [5, с. 72].

В данной статье на основе анализа двух одноимённых рассказов А. П. Чехова и Ю. П. Казакова мы хотим выяснить то, что может объединять и что отличает друг от друга эти произведения, написанные соответственно в конце XIX и во второй половине XX в.

«Нужно было сломать старый дом, чтобы на месте его построить новый. Я водил архитектора по пустым комнатам и между делом рассказывал ему разные истории. Рваные обои, тусклые окна, тёмные печи – всё это носило следы недавней жизни и вызывало воспоминания» [10, с. 364], – так начинается рассказ А. П. Чехова «Старый дом» (1887). Писатель сразу вво-

дит противопоставление старого и нового домов, но речь идёт не только о доме как жилом здании, но и о доме как месте обитания людей, связанных укладом жизни и определёнными отношениями. Значение слова *старый* также многозначно: это и «обветшалый», «поношенный», но также «старинный», «древний», «давно известный».

Домовладелец водит архитектора по дому, где последний видит двери, окна, обои. Он воображает жильцов дома: «...тут жили барышни» [10, с. 365]. Он вспоминает знаменательные события дома: «По этой, например, лестнице однажды пьяные люди несли покойника, спотыкнулись и вместе с гробом полетели вниз; живые больно ушиблись, а мёртвый, как ни в чём не бывало, был очень серьёзен и покачивал головой, когда его поднимали с пола и опять укладывали в гроб» [10, с. 365]. Он знает суеверия старого дома, его предания: «Тут нехорошо. Тут погибло много жильцов, и я положительно утверждаю, что эта квартира кем-то когда-то была проклята и что в ней вместе с жильцами всегда жил ещё кто-то, невидимый» [10, с. 365].

Эта «экскурсия» по дому напоминает домовладельцу семью, нелёгкая судьба которой тронула его. Он рассказывает о семье Путохина, который служил писцом у нотариуса, жил вместе с матерью, женой, четырьмя детьми в той самой «нехорошей квартире». Рассказ снабжён бытовыми подробностями, деталями, из которых и складывается жизнь каждого человека, причём мы видим, что жизнь эта тиха и счастлива: «Когда я, что бывало очень редко, заходил вечерами в эту квартиру, то всякий раз заставал такую картину: Путохин сидел за своим столом и переписывал что-нибудь, его мать и жена, тощая женщина с утомленным лицом, сидели около лампы и шили; Егорыч (сосед, слесарь – Т. М.) визжал терпугом. А горячая, ещё не совсем потухшая печка выпускала из себя жар и духоту; в тяжёлом воздухе пахло щами, пелёнками и Егорычем. Бедно и душно, но от рабочих лиц, от детских штанишек, развешанных вдоль печки, от железок Егорыча веяло всё-таки миром, лаской, довольством...» [10, с. 366].

Всё меняется после смерти жены Путохина. Поскольку дом – это семейный очаг, согретый материнской любовью, то женщина, жена – хранительница его; если умирает она, значит, гибнет и семья. Именно этот процесс мы и видим в семье Путохина. Хозяина дома увольняют с работы, он начинает пить, в алкогольном забытии он продаёт пальто своего сына, которое (что очень важно для сюжета) сшито из платья матери: «Его пальто, прекрасное пальто, сшитое из суконного платья покойной матери, пальто на прекрасной коленкоровой подкладке, пропито в кабаке» [10, с. 368]. Дому как уютному и родному пространству противопоставлен кабак – порочное пространство, которое цинично уничтожает все следы «старого дома», забирает связь с матерью, последнее напоминание о былом уюте, тепле, покое, о былом домашнем счастье. Затем Путохин продаёт шаль бабушки, после чего и вовсе куда-то исчезает. Пока герой не находится в пьяном состоянии, он сознаёт, что своими руками разваливает семью, доводит близких до отчаяния. Он испытывает чувство стыда, обещает сыну

Васе устроиться на работу, а его устроить в гимназию, бросить пить, но всё это на деле оказывается пустыми словами: «Вася охотно бы заплакал, но плакать нельзя. Если отец, у которого болит голова, услышит плач, то закричит, затопает ногами и начнёт драться, а с похмелья дерётся он ужасно. Бабушка вступится за Васю, а отец ударит и бабушку; кончится тем, что Егорыч вмешается в драку, вцепится в отца и вместе с ним упадёт на пол. <...> Оттого, что нельзя плакать и возмущаться вслух, Вася мычит, ломает руки и дрыгает ногами или, укусив себе рукав, долго треплет его зубами, как собака зайца. Глаза его безумны, и лицо искривлено отчаянием. Глядя на него, бабушка вдруг срывает со своей головы платок и начинает тоже выделять руками и ногами разные штуки, молча, уставившись глазами в одну точку. И в это время, я думаю, в головах мальчика и старухи сидит ясная уверенность, что их жизнь погибла, что надежды нет... Путохин не слышит плача, но ему из комнаты всё видно» [10, с. 369].

Бабушка изо всех сил пытается сохранить дом и во что бы то ни стало спасти семейный очаг: «По пятницам она моет у евреев в ссудной кассе полы, по субботам ходит к купцам стирать и по воскресеньям, с утра до вечера, бегаёт по городу и разыскивает благодетельниц. Каждый день у неё какая-нибудь работа. <...> На Руси много таких крепких старух, и сколько благополучий держится на них» [10, с. 368]. Но все эти попытки тщетны, ей не удаётся сохранить этот хрупкий мир: «...старуха сначала запила, а потом слегла. Её свезли в больницу, младших ребят взяла какая-то родня, а Вася поступил вот в эту прачечную. Днём он подавал утюги, а ночью бегал за пивом. Когда из прачечной его выгнали, он поступил к одной из барышень, бегал по ночам, исполняя какие-то поручения, и его звали уже “вышибалой”. Что дальше было с ним, я не знаю» [10, с. 370]. Так постепенно рушится мир семьи Путохиных, которая жила бедно, просто, но гармонично, в которой все любили друг друга, были готовы поддержать и преодолеть вместе все жизненные трудности и невзгоды.

Итак, дом – это нравственная, духовная основа жизни человека. Дом держится на женщине, которая хранит и оберегает его. И если она умирает, мир безвозвратно рушится, как карточный домик, вместе с судьбами всех своих жильцов. И лишь обои, двери, стены и другие предметы напоминают о жизни обыкновенной, казалось бы, ничем не примечательной, но такой счастливой семьи, о жизни благополучного дома, маленького уютного мира, где были счастливы абсолютно все: и родители, и дети, и старики.

Совсем другой сюжет лежит в основе рассказа Ю. П. Казакова «Старый дом», который был опубликован в книге «Две ночи» (1986) [2]. Это произведение не закончено, и текст, которым мы располагаем, представляет собой первую и начало второй главы, поэтому наш анализ в известной степени гипотетичен. «Старый дом» следует датировать второй половиной XX в., поскольку печататься Казаков начал в 1952 г.

«Дом этот выстроил композитор» [2, с. 117]. Автор рассказывает историю жизни дома и композитора, и обе эти истории неразрывно связаны

между собой. Дом становится полноправным героем рассказа: «Когда прошла череда его лет, когда круг жизни замкнулся и он узнал всё, что положено было узнать ему, – счастливейшему и талантливейшему из смертных, – когда сердце его, утомлённое овациями Вены, Лондона, Парижа и Петербурга, блеском концертных залов, любовью и обожанием лучших, прекраснейших женщин мира, когда усталое сердце его загорелось ровным огнём самой великой и самой нежной любви к родине, к далёким годам детства, к бесконечным печальным равнинам, – он затосковал, и, поражаясь и радуясь этой новой любви, он выбрал место на берегу Оки и стал строить себе дом» [2, с. 117]. Таким образом, дом оказывается местом последнего пристанища человека.

Писатель с нежностью и любовью рассказывает о том, как композитор обустраивает дом: «Всю весну сажали лес на холме: ольховый, липовый, сосновый, берёзовый. Сажали яблони, сажали проклюнувшиеся жёлуди. А осенью, наконец, стали прибывать саженцы, с обвязанными рогожей корнями, с уцелевшими на тонких прутиках последними жёлтыми листьями. Всю осень шли посадки, доделывался, украшался и топился новый, прекрасный дом, ещё пахнувший досками, стружкой, глиной и дымом, ещё сырой, необычно гулкой, пустой, необжитой, но уже смотревший в багряные дали большими своими окнами, уже заманчиво белеющий издалека, краснеющий крутой черепичной крышей, уже сиявший светом далеко за полночь» [2, с. 118].

Особого внимания заслуживает эпизод освящения дома: «По морозцу, по хрусткой твёрдой дороге приехало духовенство на освящение, приехали певчие с сизыми носами, масляными волосами, с голодными и жаждущими глазами, приехали гости, и целый день с утра отворялись двери, снимались в передней пахучие шубы, накрывался в столовой стол, варили и жарили на кухне. А потом, в ранних ноябрьских сумерках, зажглись лампы и свечи, запахло по комнатам сладким ладаном, откашлялся огромный пучеглазый дьякон, гмыкнул несколько раз, пробуя октаву, – и началось великолепие богослужения, полились дивные древние слова, зазвучал прекрасный хор» [2, с. 118]. Дом – священное место для каждого, дом хранит в себе всё самое лучшее, высокое, дорогое и любимое, что есть в жизни человека.

Далее изображается жизнь хозяина и дома: «Так началась долгая жизнь дома. Жизнь эта была спокойна и величава, с каждым годом она всё больше устанавливалась, обогащалась, делалась всё более деловитой и прекрасной. В дом приезжали художники, подолгу гостили, много рисовали, много спорили, а уезжая, оставляли каждый раз хозяину много картин и этюдов» [2, с. 118]. Дом откликается на переживания композитора: «А иногда, устав от своей музыки, он уходил в парк и возвращался не скоро, надыхавшись спиртовым запахом опавших листьев, насмотревшись на хмурую, пустынную Оку. Дом принимал его радостно, он знал, что сейчас же начнётся нечто прекрасное. И композитор, потеряв руки, сзывал в гости-

ную гостей, садился к фисгармонии, несколько боком, закуривал жаркую сигару и начинал играть» [2, с. 118].

Автор воссоздаёт атмосферу дома, разные состояния, которые переживал композитор: «Но были и глухие времена, когда месяцами никто не приезжал к нему. Тогда он делался день ото дня молчаливее, прозрачнее лицом, всё чаще приспускал ресницы на глаза, всё чаще надолго уходил в лес, сидел там в одиночестве или ездил по деревням к знакомым мужикам, которых было у него уже множество» [2, с. 120].

Дом меняется и стареет вместе с хозяином: «Незаметно проходили зимы и вёсны, композитор старел, руки его сохли, спина сутулилась, и по утрам в своей спальне он кашлял совсем стариковским кашлем. Дом же терял яркость новизны, не бросался в глаза, как раньше, да и не виден был теперь, как раньше: со всех сторон подрастал буйный молодняк, тянулся верхушками кверху, загораживал дом, только уже тёмная черепичная крыша была видна над лесом, только две просеки пришлось прорубить к реке» [2, с. 120]. Чем старше становился хозяин дома, тем острее он чувствовал красоту русской жизни, тем прекраснее становилась и музыка. Старый дом обогащался традициями той красивой, талантливой жизни, которая всё это время была в нём. Именно этой связи человека и дома и посвящён весь известный фрагмент.

Итак, перед нами два рассказа из разных эпох в истории России. Хотя материал их совершенно не схож, оба автора решили дать им одно и то же название «Старый дом». Это и есть та общая тема, которая объединяет эти произведения.

Как известно, во второй половине XIX в. сочетание *старый дом* ассоциировались с представлениями о дворянской усадьбе. Именно с таким заглавием создавались произведения русских писателей – от Н. П. Огарёва до А. П. Балавенской [4, с. 141]. Но у А. П. Чехова старый дом не усадьба, а квартира. Чехова интересуют социальные аспекты наличия у человека дома. Отсутствие дома приводит к духовной, нравственной смерти, что и является причиной многих социальных проблем. Ю. П. Казаков делает акцент на духовной и эмоциональной значимости дома, поэтому в первой главе рассказа так много красочных описаний жизни дома и жизни композитора, которые неразрывно связаны. Поэтому они проникнуты такой нежностью, любовью и теплотой. Казаков описывает Россию до 1917 г., и тот «старый дом», который устроил композитор, представляет собой разновидность усадьбы. Чехов уходит от проблематики усадебной культуры (хотя в целом она была для него весьма актуальна, вспомним «Вишнёвый сад»). Казаков же возвращается к этой проблематике как к утраченному идеалу жизни.

Список литературы

1. Аксаков, С. Т. Семейная хроника [Текст] / С. Т. Аксаков. – М. : Московский рабочий 1981. – 365 с.
2. Казаков, Ю. П. Две ночи: Проза. Заметки. Наброски [Текст] / Ю. П. Казаков. – М. : Современник, 1986. – 335 с.

3. Лотман, Ю. М. Избранные статьи [Текст] : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – 479 с.
4. Макарова, Т. С. Роман А. П. Балавенской «Старый дом» в рамках усадебной прозы [Текст] / Т. С. Макарова // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве : сб. тр. междунар. науч. конф., Тверь, 2–3 ноября 2010 г. / Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2011. – С. 141–145.
5. Потураева, Е. А. Метафорические обозначения концепта «дом» в русской языковой картине мира [Текст] / Е. А. Потураева // Язык и культура. – 2010. – №1(9). – С. 58–73.
6. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений [Текст] : в 17 т. / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1994–1997. – Т. 5 : Поэмы 1825–1833. – 1994. – 570 с. – Т. 6 : Евгений Онегин. – 1995. – 700 с.
7. Твардовский, А. Т. Дом у дороги: Лирическая хроника [Текст] / А. Т. Твардовский. – М. : Художественная литература, 1985. – 94 с.
8. Толстой, Л. Н. Война и мир: роман [Текст] : [в 2 кн.]. – М. : СЛОВО/SLOVO, 1999. – Т. 1–2. – 608 с. – Т. 3–4. – 624 с.
9. Тургенев, И. С. Собрание сочинений [Текст] : в 12 т. / И. С. Тургенев. – М. : Художественная литература, 1975–1980. – Т. 2 : Рудин. Дворянское гнездо. – 1976. – 333 с.
10. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений [Текст] : в 30 т. Сочинения : в 18 т. / А. П. Чехов ; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. – М. : Наука, 1974–1983. – Т. 6 : Рассказы 1887 г. – 1985. – 735 с.

**"OLD HOUSE": THE SHORT STORY WITH THE SAME NAME
BY ANTON CHEKHOV AND YURY KAZAKOV**

T. S. Makarova

Tver State University
Department of the history of russian literature

The short story by Anton Chekhov and Yury Kazakov considered in connection with different views of the concept of home. Describes the differences between the subject home in terms of social aspects of having a man at home and in terms of psychological significance of the house.

Keywords: *story, concept, home, Anton Chekhov, Yury Kazakov*

Об авторах:

МАКАРОВА Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета, e-mail: mak_84@bk.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.